

Новый поворот Смоленской дороги

Лит. газ. - 1994. - 6 июля. - С. 8.

Макаревич - Окуджава нашего рок-н-ролла

“МАШИНЕ времени” – 25 лет. Окуджава недавно исполнилось 70. Казалось бы, что меж ними общего?..

Андрей Макаревич поздравлял Булата Шалвовича в маленьком зале театра “Школа современной пьесы”. После праздничного концерта предполагалось явление Окуджавы народу, несколько часов кряду стоявшему на Трубной площади в ожидании маэстро. Предполагалось, что Булат Шалвович выйдет на балкон театра и поприветствует публику, но что-то, видимо, задержало его за кулисами. Поэтому Макаревич появился на балконе первым. И как только не побоялся?! Человек другого поколения, другой закваски, совершенно иных ритмов, он вышел к **чужой** публике, не к той, которую привык завоевывать. Но его, вопреки ожиданиям, встретили бурными аплодисментами, а потом вместе со всей Трубной площадью Макаревич пел “Смоленскую дорогу” и еще какую-то свою песню, а следом вышел Юрий Шевчук с “Последней осенью” – супершлягером сезона... И вот ведь что интересно: оказывается, подавляющее большинство собравшихся знало наизусть и Окуджава, и Макаревича, и Шевчука. Все смешалось в доме Облонских!..

В этот же памятный день Юрий Шевчук провозгласил Булата Шалвовича “дедушкой русского рок-н-ролла”. Спорное, конечно, утверждение. Но то, что Макаревич – внук (или все же сын?) российской авторской песни, не подлежит никакому сомнению. Именно он сблизил извечно враждующие стороны. И правда, давно стоило все это перемешать (невзирая на ортодоксальный вой бард-фанатов и рок-болельщиков), хорошенько взболтнуть, подождать, пока опустится на дно мутный осадок, и пить большими глотками получившийся в результате целебный бальзам из песен, которые помогли и помогают нам выжить в трудное время. Кто знает, может, это и будут “капли датского короля” образца 1994 года? Лечебный настой для душ, пораненных брежневской эпохой, горбачевской перестройкой, обоими путчами, инфляцией и приватизацией. А это, согласитесь, поважнее узкоконфессиональных споров в среде фундаменталистов рок-музыки и КСП.

Макаревич, по сути, Окуджава нашего рок-н-ролла. “Машина времени” возникла не на пустом месте: до нее были “Битлз” и песни о бумажном солдате, о голубом шарике, о полномочном троллейбусе... Причем, как свидетельствует Макаревич, Окуджава он услышал еще раньше “битлов”. Но воздействие ливерпульской четверки на мировоззрение шестнадцатилетнего мальчишки было тотальное и увесистей. Поэтому песни Окуджавы до поры до времени скрылись в недрах памяти, чтобы потом вдруг аукнуться в какой-нибудь случайной строчке:

*Уведите детей.
Снимите шляпы.
Верующие –
Целуйте крест:
Сегодня
Где-то в половине пятого
По городу пройдет
Удивительнейший оркестр...*

Ритм – другой. Динамика – другая. А вот оркестр, идущий по городу, – это что-то очень знакомое. Как, впрочем, и эти строчки:

*Сегодня – самый лучший день,
Пусть реют флаги над полками.
Сегодня – самый лучший день,
Сегодня – битва с дураками...*

Это та самая битва, которую так и не выиграл Окуджава, натерпевшийся от дураков да и теперь не оставленный ими в покое. Макаревич тоже не раз вступал с ними в единоборство – в идеологических отделах ЦК ВЛКСМ, в кулуарах Московского концерта, в домах культуры и домах отдыха... Дураки привыкли к другим песням, а Окуджава и Макаревич были им одинаково чужеродны и опасны. Мохнатое чиновное ухо, не очень-то разборчивое в вопросах музыки и стихосложения, чутко улавливало “вражеские” флюиды. И Окуджава, и Макаревича роднили гордая осанка и возмутительная независимость от властей преемствующих.

Правда, независимость эта имела различные формы: более скрытые, замаскированные у Окуджавы; более острые, мальчишески задиристые у Макаревича. Воспитанник рок-н-рольных и хипповских стихий, Андрей Макаревич вывел на своем знамени несколько прямолинейный пересказ тихих слов Окуджавы о неприкосновенности и драгоценности каждой человеческой сущности. Хипповский лозунг: “От-

станьте от меня все! Дайте жить как хочется!” – по сути, это реминисценция из Окуджавы. Но это и жизненный принцип Макаревича, не потерявший актуальности и сейчас, когда посягательства на его личную свободу поуменились. Эти слова готовы сорваться с его губ, когда он проходит сквозь ликующий строй своих фанатов. Эта фраза читается в его глазах, когда он изредка снисходит до беседы с журналистами. Будучи суперзвездой, он всячески избегает тусовок, просит не упоминать о нем в светской хронике, старательно бережет свой внутренний мир от посторонних посягательств. Он – одиночка, и это тоже роднит его с Окуджавой.

До Макаревича рок-музыканты считали ниже своего достоинства петь по-русски. Макаревич одним из первых почувствовал необходимость вдохнуть в иноземные ритмы “тутошнее” содержание, рассказать о том, что его волнует и тревожит в этом мире. Как-то неловко было петь на английском языке, который не подразумевал откровенного разговора о наиболее болезненном... Макаревич начал сочинять сам – сначала довольно-таки бесхитростные, поверхностные тексты, потом – все глубже и серьезнее. Сегодня о нем можно сказать, что он, кроме всего прочего, – поэт. И даже сам Окуджава так считает.

Стихам Макаревича свойственны легкость, изящество, отсутствие ложной многозначительности. Притчи, баллады, сказки его лаконичны и мудры, в них много улыбки и фантазии. Очень часто они заканчиваются совершенно неожиданно, на самом, казалось бы, авантюрном и остро сюжетном месте. Внезапно прерывается и автобиографическая книга Макаревича “Все очень просто”. “Чувство недосказанности – не самое скверное из всех ощущений” – считает он.

Конечно, Окуджава и Макаревич во многом похожи (об отличиях умолчим, ибо они очевидны). В том числе – рыцарской приверженностью идеалам Веры, Надежды и Любви. Они оба прекрасно понимают кратковременность жизни, недолговечность всех ее соблазнов и утешений. Эта тема проходит лейтмотивом через все их творчество. Они – ярко выраженные романтики. Но это романтизм разных эпох.

*...и этот век не менее жесток,
а между тем насмешлив мой сынок –
его не облапошить на машине,*

– написал как-то Булат Шалвович. Бесменный капитан “Машины времени” воспитан более циничным, более насмешливым временем, не очень-то расположенным к сантиментам. И если поколение Окуджавы долгие годы очаровывалось доставшейся ему эпохой, то поколение Макаревича выросло уже со скепсисом в крови. Поэтому, наверное, нет у “Машины времени” песен о Великой Отечественной войне, о подвиге советского народа. Для кого-то это недостаток Макаревича, для кого-то – достоинство. А это просто факт.

Макаревичу уже за сорок. И его называют по имени-отчеству. И седина тронула его роскошную шевелюру, а в глазах – все больше вселенской грусти. И нынешние дедушки и бабушки уже не бранятся, заслушав его песни. Для них и “Битлз” – уже предмет ностальгии (мол, пусть хоть и пели громко и не по-нашему, зато аккуратно одевались и держались пристойно...). Макаревич им тоже нравится, когда не кричит. Он соединяет не только разные музыкальные направления, но и целые поколения. Недаром в знаменитом фильме В.Виноградова “Я возвращаю ваш портрет...” “Машина времени” участвует наравне с Утесовым, Шульженко, Френкелем, Юрьевой, Мироновым и Высоцким. Быть может, когда снимался фильм, группу пригласили для контраста: вот, дескать, что было и что стало. Сегодня же это воспринимается совсем по-другому и также вызывает ностальгическое чувство. Макаревич в очередной раз всех примирил.

Михаил НОДЕЛЬ